

Мережко В

1985

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

24 МАР 1985

ВСЕ И КАЖДЫЙ

Беседа с киносценаристом Виктором Мережко

О. К. Что является для Вас побудительным мотивом, толчком к творчеству — собственная мысль, какое-то явление или житейский случай?

В. М. Не случай, не мысль — характер. Если вижу интересный характер, начинают работать мысль и воображение. В «Здравствуй и прощай» я писал характер своей мамы: как бы ни было трудно, человек этого не покажет, а живет так, как будто все время весело. В «Родне» меня занимал деревенский человек, чистый, наивный в чем-то, хотя и полностью сформировавшийся. Попадая в систему чужих, городских, перепутанных связей и пытаюсь их «наладить» по своему разуму, он только еще больше их запутывает. Я сам родом из деревни и часто сталкивался с этой привычкой утверждать: мы, деревенские, лучше. Но именно в «Родне» я понял, что город, со своими проблемами, захватил меня. Я никогда не прогнозирую заранее, как и что получится. Вижу интуитивно, что в этом характере есть что-то, что меня тревожит.

О. К. Что же Вас тревожит? Особенно в молодых людях?

В. М. Могу сказать точно — душевный инфантилизм. Недавно прочел у Сименона, что одно из самых опасных заболеваний человека — снисходительность к себе. То есть когда он может простить себе все, что угодно: измену, воровство, предательство, вплоть до убийства. Махнуть на себя рукой: а, бог с ним! Это и есть инфантилизм.

О. К. Вы говорите о безответственности?

В. М. В этом слове, мне кажется, больше социального смысла. Я не вышел на работу — я поступил безответственно... А я хочу поговорить с человеком о нем самом с точки зрения его личной. Я закончил институт, где меня учили не только инженерному делу, но и как бы «обещали» перспективу роста. При-

езжаю в областной центр, на предприятие с директором, с главным инженером, главным технологом и т. д., то есть все места заняты. Я попадаю в отдел, в незаинтересованную среду, в сложившиеся отношения, где еще до моего появления все давно устало. Первое время это меня раздражает, пугает — что угодно, но потом я начинаю втягиваться, мою волю парализует эта общая атмосфера нежелания никуда двигаться, я постепенно теряю перспективу и — «умираю»...

О. К. Это модель?

В. М. Модель. Но у меня есть близкие родственники, которые жили такой жизнью, есть друзья по полиграфическому институту, который я окончил до ВГИКа, есть кое-кто из знакомых, кому интересно жить, потому что он, по его понятиям, достиг вершин, а дальше зачем? Дальше нужно изо всех сил отдыхать и спать, и пользоваться благами.

О. К. Но ведь это не со всеми так происходит: подобное есть внутреннее торможение и остановка. А с кем? И отчего? Реакции людей на происходящее вокруг них могут быть разными. Одна — острый, неразрушаемый интерес, и не к карьере, или не просто к карьере, а к новому, свежему, бодрому, и тогда бой за это новое, свежее и бодрое, хотя бы чтобы самому было интересно жить. Вторая — интерес к жизни вообще, не ограниченной рамками профессии и места службы, то, что Швейцер называл «благоговением перед жизнью». Но это, если не врожденное, разумеется, надо выращивать, воспитывать. Иначе — «среда заела», по известному насмешливому выражению Достоевского. Так вот, как выработать в себе сопротивление «болоту», как не поддаться обстоятельствам? Может быть, тут дело в выработке подлинной внутренней интеллигентности? Бездуховность разъедает, как ржа. Противостоять ей может только духовность.

В. М. Потому я и обращаюсь к технократам. То есть к так называемой интеллигенции. По идее они и должны распространять духовность, но часто не делают этого. Это и в Москве, и в провинции. Будучи сам человеком провинциальным, я очень люблю провинцию. Но и считаю, что в ней расположены самые болевые точки. Если мы думаем о духовном здоровье общества, значит, надо честно и серьезно работать. Конечно, в том, что я сейчас говорю, и в том, что я делаю в кино и в театре, — «сгущение», концентрация. Но я думаю, что наше дело — не фотографировать реальность, а заострять ее проблемы способами искусства. Смотрите, мы стали очень редко писать друг другу письма. Телефон. Дашь телеграмму в лучшем случае. Мы стали уставать от бесед. Когда мне плохо, и я прихожу и говорю: слушай, мне плохо — это раздражает...

О. К. Это правда. Люди неуспеха воспринимаются как нечто шокирующее. Это неудобно, неприлично. Приличные люди успеха...

В. М. Совершенно верно. Мне некогда тебя слушать. Мне нужно еще достать то, выбить это, поехать туда, встретиться с тем или с этим!

Дело. Мы перестаем соучаствовать друг в друге. Я ни в ком не участвую, и никто во мне не участвует. И срабатывает такой «автопилот»: вяло, вяло иду на приземление. Так теряется индивидуальность, возникает стандарт. Одежда, чтоб ты не отличался: вельвет, джинсы, кроссовки — такая гражданская униформа. По работе? Я получаю свои 120 или 150 — зачем мне рваться? Чтоб получить на тридцатку больше? А зачем мне это нужно? Потрясающая формула: «а зачем мне это нужно». Да я поеду помогу где-то чужую машину и спокойно заработаю эту тридцатку. И вот появляется страх перед ответственностью. Возникает такой социально опасный тип.

О. К. Вот видите, мы все-таки пришли к социальной стороне «личной проблемы» и к слову «ответственность». Если еще углубиться в этот аспект, не стоит ли подумать о социальном долге тех, кто также отвечает за положение, при котором иные молодые люди «не хотят»? Ведь если молодой человек чувствует настоящую нужду в себе, в своих знаниях, уме и таланте, вряд ли он нарочно станет закрывать их.

В. М. Это очень важно. Человек — кладовая эмоциональных запасов. Не расходовать какую-то из эмоций — значит, обречь себя на тяжкий груз. Если запасы не расходуются правильно, они будут расходоваться неправильно. Как я объясняю героя «Полетов во сне и наяву»? Человек пришел в жизнь с мощным реактором. Он готовился к деятельности, он хотел у-

вердить себя, направить свой реактор на жизнь, на работу. Не получилось. И реактор здоровый постепенно превратился в реактор, который управляет жизнью не только ему самому, но и окружающим. Он превращается во вредоносителя. Кто мог ему помочь в свое время? Люди, обязанные заботиться о кадрах. О том, чтобы каждый был приставлен к тому месту, где его способности могли быть использованы наилучшим образом. Но вот когда молодые люди видят, что все кругом уже распределено, и надо пробиваться...

О. К. А если не пробиваться, а биться? За идею, за мысль, за свою точку зрения, против бюрократов и невежд?

В. М. Это единственно правильная позиция. И мы не столь уж редко встречаем ее в реальной жизни. Но задача искусства, как я ее понимаю, — будоражить общественное сознание, чтобы черное не выдавалось за белое, чтобы ясно видеть, где мы успеваем, а где не очень.

О. К. Что Вам нравится в молодых?

В. М. Их трезвость и то, за что мы порой их упрекаем, — рациональность. Мы говорим: мы сентиментальны, мы можем и заплакать, а эти нет, они не заплачут. А может, в этом достоинство? Эти ребята в пути, какие-то болезни роста минуют. Мне нравится их ум. Мне нравится, что в них растет чувство достоинства и что они освобождаются от распространенного свойства наваливать ярлык. Я помню, когда я приехал в деревню к маме, а было мне лет двадцать, я был уже студент,

как на меня шикали, тыкали пальцем, что я с бородой, что выбиваюсь из общего ряда. В том числе мои ровесники. А нынешние ребята позволяют каждому быть самим собой. Они могут с тобой спорить, но в них нет ярости фанатизма. Мне кажется, их ум, освобожденный от нашей иногда ослабляющей чувствительности, поведет их в дальнейшем к созиданию, взамен столь часто еще встречающейся болтовни. Кстати, здесь я хотел бы сказать вот еще о каком моменте — когда безответственность (тут это слово точнее) взрослых, обремененных полномочиями людей, отражается на мироощущении молодых. Какой бы взять пример? Строят завод, электростанцию, думая лишь о сиюминутной пользе, — и мелют реки, исчезает рыба. Говорят об экономических последствиях. А нравственные? Ведь молодые все видят и слышат. Что они думают о таких работниках?

О. К. Теперь настала моя очередь сменить угол зрения с общественного снова на личный, обратившись к вопросам воспитания и самовоспитания. Я думаю, что мы в целом, в масштабе всей системы образования и воспитания, не прививаем молодым людям философского, что ли, мышления. Или прививаем, но мало. Речь должна идти о смысле жизни, об ответственности за свою жизнь перед самими собой, о включении себя в жизненный ряд во времени и пространстве, в человеческий род вообще.

В. М. Согласен полностью. О. К. Как Вы оцениваете Вашу роль в жизни общества, как художника?

В. М. Я могу нажать на болевую точку, от которой зависит здоровье и нездоровье. Происходит иглоукалывание. Я знаю точку, она очень важна для организма. Если я ее найду, значит, я дал сигнал...

Беседу вел
О. КУЧКИНА.